

ГЛАВНЫЙ ПАМЯТНИК ТЕРРИТОРИЯ НОСОВА

Сегодня исполняется 50 лет со дня смерти Григория Ивановича Носова

Если, пусть условно, измерять возраст предприятия человеческими мерками, можно сказать, что сегодня, накануне своего 70-летия, магнитогорский металлургический комбинат достиг поры зрелости и мудрости. Если развивать этот принцип сравнения дальше, пожалуй, можно сказать также, что Григорий Иванович Носов принял комбинат в возрасте первоклассника-семилетки как первый школьный учитель.

Комбинат неслучайно называли первенцем социалистической индустрии. Унаследованный от «родителей» энтузиазм и молодой задор первых пятилеток, трудолюбие согнанных со всех концов державы крепких крестьян, на генном уровне перенявший тайное знание сурового режима и запретов колючей проволоки, напуганный всероссийским голодом, но дерзкий — так видится из сегодняшнего дня комбинат 1939 года, когда 34-летний Носов приехал в Магнитку главным инженером. Металлургическому комбинату действительно только-только исполнилось семь лет. Социалистическая индустрия воспитывала своего первенца так же, как это часто делают молодые и самонадеянные от отсутствия опыта родители: обучала всему, что умела и не умела сама, требуя подчас невозможного и не подозревая, как все это в будущем может отразиться на здоровье любимого детища...

В июле 39-го на ММК работали четыре доменных и тринадцать мартеновских печей, четыре коксовых батареи и восемь прокатных станов. Магнитка уже давала металла больше, чем Италия, Польша, Чехословакия и Испания, вместе взятые. Но продолжала строиться. В августе в Магнитогорске прошел первый слет стахановцев и ударников комбината.

— Замечательный комбинат, прекрасные люди, — сказал на этом слете молодой главный инженер Носов, — но слишком высока аварийность в мартеновских цехах, не решены многие принципиальные вопросы технологии производства. У выпущенника Томского технологического института Григория Носова был за плечами почти десятилетний опыт работы на Кузнецком металлургическом комбинате. Он сделал подробный анализ причин, мешающих налаживать хорошую работу, изложив свою «учебную программу»: организация труда, укрепление дисциплины, повышение технологии и культуры производства, обучение и воспитание профессиональных кадров металлургов.

Сам он последовательно и целеустремленно выполнял намеченную программу все двенадцать лет, что находился у руля комбината — буквально до своего смертного часа. И металлургический «вундеркинд» воспринимал уроки Носова с любовью и доверием к своему учителю. За этот короткий период он, образно говоря, успешно закончил не только среднюю общеобразовательную, но и высшую школу.

В 1940 году Носов назначен директором комбината. Только в первый год его работы на ММК были введены в строй четыре новые мартеновские печи, увеличилась

выплавка чугуна, стали, выросло производство проката. Но главное, чего добился Григорий Иванович, — стала приживаться и работать введенная им система технологической дисциплины, наведения твердого порядка и чистоты на всех участках. Начальники цехов, мастера, рядовые рабочие учились укладываться в технологический график и выполнять заказы, постоянно улучшая качество выплавленного металла. В марте 1941 года металлургический комбинат Магнитки впервые со дня пуска перевыполнил план по всему производственному циклу и выдвинулся в число передовых предприятий страны. Во втором квартале, словно предчувствуя нарастающую угрозу с Запада, магнитогорские металлурги

«ли» варить броневую сталь обычную мартеновскую печь, а эту сталь прокатывать — обычный блюминг...

В истории мировой металлургии это был единственный и уникальный случай, когда не просто волевым, но и технологическое решение было принято в считанные дни. Кто конкретно подал идею варить броню в обычной печи, позже не мог вспомнить и сам директор: то ли два ленинградских инженера, в срочном порядке присланные в Магнитку, то ли его собственная отчаянная мысль.

«Первоначально выплавка брони проводилась так называемый «дуплет-процессом», — вспоминает бывший сталевар З. Лупинов. — Металл расплавляли в основной печи, а затем для окончательной доводки «переливали» в «кислую» печь. Сложная технология приводила к значительному снижению производства, а этого допустить было нельзя. Требовалась новая технология. По предложению Носова ее начали круто менять. Григорий Иванович от печи не отходил. Когда слили вторичный шлак, попросил подать ковш поближе — было видно, что очень волновался. Крепко прижимая защитные очки к переносице, долго смотрел на поверхность жидкого металла. Сбежались все, кто находился в цехе. Хотя анализа еще не было, директор не смог скрыть радости: «Братцы! Смотрите, ведь это же сама Победа! Теперь мы зальем броневым металлом танковую промышленность!» В тот же вечер на испытательном полигоне «расстреливали» нашу броню. Когда выпустили последний снаряд, все кинулись к стенду. Носов гладил холодную сталь брони, руки его заметно дрожали. А на металле — ни трещинки, лишь пологие, едва заметные вмятины...

Наверное, именно в военные годы в Магнитке начал формироваться тот особый магнитогорский характер, который до сегодняшнего дня выделяет родившихся и выросших в нашем городе людей среди жителей любого города планеты. В нем совершенно неповторимое сочетание, почти слияние редкого, какого-то одержимого трудолюбия, жесткой внутренней дисциплины и неукротимой творческой энергии. Начало этому характеру положили люди, строившие завод и город у подножия Магнитной горы, а закалку он прошел в горниле войны под присмотром такого воспитателя, как Григорий Иванович Носов.

Потом были и «каждый третий снаряд, и каждый второй танк», изготовленные из магнитогорского металла для фронта и для победы. Но вначале металлургии ММК «научи-

Знавшие Носова люди считают, что был он человеком жестким, требовательным, не терпел некомпетентности людей, особенно, если

они вмешивались в его производственные дела. К примеру, тогдашний инспектор по охране труда П. Ермаков не сразу нашел общий язык с новым главным инженером:

— Григорий Иванович воспринимал меня как теоретика охраны труда. Но со временем стал считаться с моими знаниями, вдумчиво изучал все предложения. Мы были единомышленниками в главном: высокая дисциплина труда необходима во имя безопасности самих работников.

Командированный из Ленинграда инженер С. Сахин, возглавивший бронбюро, пишет: «Мы собрались в кабинете директора. Я впервые увидел Григория Ивановича Носова и смотрел на него изумленно: сумеет ли он организовать столь ответственное дело? Ведь ему только 36. Первые вопросы, фразы, и я почувствовал инженера и руководителя крупного масштаба, умеющего действовать быстро, решительно, сосредоточить внимание на одном. Говорит он негромко и отрывисто, тонно, не терпящим возражений».

З. Лупинов в своих воспоминаниях так характеризует Носова: «Крутой был и внимательный в то же время, взыскательный и добрый... Рабочие любили своего директора и... жалели. Его директорские окна в заводоуправлении знали все. В полночь после смены, когда людской поток из проходных вылескивался на заводскую площадь, в окнах всегда горел свет. «Опять не спит Григорий Иванович!» — сочувственно вздыхали они. — Да разве его хватит надолго, если и ночами работает?»

«Будучи руководителем комбината до последних дней своей жизни, Г. И. Носов преобразил все производство, поставил его на научную основу. Он сумел установить порядок в технологии и организации производства, дисциплину везде и во всем. Многие, кто знал Магнитогорский металлургический комбинат до 1940 года, посетив его в 50-е годы, были удивлены, как много удалось добиться Носову», — эти строки — из воспоминаний А. Ф. Борисова, бывшего первого заместителя министра черной металлургии СССР.

Носов много работал и почти не отдыхал. Его заботой были не только тонны металла, строительство домен, мартенов, коксовых батарей, но и завтрашний день комбината. В первую очередь, требовалось решить зада-

чу обеспечения сырья. «Горы Магнитная исчерпала свои запасы, — пишет в своих воспоминаниях после смерти Носова сменивший его на директорском посту ММК, позже ставший первым заместителем министра черной металлургии СССР А. Ф. Воронов. — Г. И. Носов с его эрудицией, творческим настойчивым характером сумел подобрать специалистов (горняков, геологов) для поиска руды, коксующегося угля и других видов сырья: обеспечение производства запасами сырья и трудовыми ресурсами. Так были открыты Соко-

ловско-Сарбайское, Лисаквское и другие месторождения. Началось их форсированное освоение. Причем Григорий Иванович рассматривал эти участки... как единую составную часть горы Магнитной, объединенную в общий механизм ММК...»

Второй его заботой были кадры. «По моему мнению, он в своей работе больше опирался на комсомол, чем на партийные органы, — это строки из воспоминаний бывшего в «нососовские» годы комсоргом ЦК ВЛКСМ на комбинате В. М. Архипова. — Политика относительно молодежи у него была интересная и правильная. Дело в том, что молодежь у нас была эвакуированная из многих районов страны. И директор ставил задачу закрепить молодежь на Магнитке... Однажды он высказал идею. Военнопленные немцы начали строить жилые дома на правом берегу Урала. А что, если заселить эти дома молодежью?.. Пусть она получит здесь прописку, найдет любовь и станет частью нашего комбината!»

«Надо сказать, что совершенно не случайно комбинат строил для молодых рабочих не общежития, а именно интернаты — с воспитателем, спортивным оборудованием, со своей столовой, — продолжает «молодежную» тему другой бывший комсорг ЦК ВЛКСМ на комбинате Б. И. Буйвид. — Григорий Иванович понимал, что ребята без родителей и им нужна особая забота.»

И еще одно важное дело связано в Магнитогорске с именем Носова: в первые послевоенные годы он заложил здесь заводской сад. Заложил вопреки «вето», наложенному Москвой. Нарком Тевосян дал директору ММК нагоняй: не время думать про сад — надо восстанавливать разрушенное войной хозяйство... Но сад был все же создан и сыграл огромную роль в жизни комбината и города...

Ни в годы войны, ни после нее Григорий Иванович не брал отпуска. Лишь раз в неделю — с субботы на воскресенье — уезжал на охоту. Он работал на износ: по 16 часов в сутки, буквально до потери сознания. Это случилось летом 1951 года на аппаратном совещании в директорском кабинете. Врачи прописали ему постельный режим, а потом — курортное лечение. Он томился, мучился бездействием, но все же поехал вместе с женой в Кисловодск. Но, видно, было уже поздно: изработанному организму 45-летнего мужчины врачи уже помочь не могли. 7 августа 1951 года, пройдя полный курс лечения на курорте, он умер здесь же, в Кисловодске...

В тот же день радио «Би-Би-Си» сообщило всему миру: «Умер стальной король России».

Известный партийный деятель Н. С. Патолитчев сказал: «Думаю, что главным памятником Григорию Ивановичу Носову является сам Магнитогорский металлургический комбинат и добрая память магнитогорских металлургов, которая, я в этом убежден, живет в сердцах многих...»

Трудно сказать точнее.
Валентина МИНУЛЛИНА.

**Крутой был и внимательный в то же время, взыскательный и добрый...
З. ЛУПИНОВ.**

**По моему мнению, он в своей работе больше опирался на комсомол, чем на партийные органы.
В. АРХИПОВ.**